

Е. Р. Махмутова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

СНОВИДЕНИЯ В КНИГЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»¹

Аннотация: В статье рассматривается сон с точки зрения важнейшей категории для понимания художественного мира И. А. Бунина. Проанализированы сновидения героя в книге «Жизнь Арсеньева» в связи с ключевыми проблемными аспектами творчества автора.

Ключевые слова: И. А. Бунин, сон, память, жизнь, образ, символ.

Сон как важная структурообразующая, эстетическая, психологическая и метафизическая категория широко используется в русской и зарубежной литературе. На значимость снов в художественном мире И. А. Бунина указывал Ю. Мальцев в монографии «Иван Бунин», называя сновидение «важным элементом всего творчества» [Мальцев, с. 82–83] писателя. Бунин всегда интересовало трансцендентное и иррациональное. В художественном мире автора выход в иное измерение и приобщение к вечным законам бытия, проявлением инстинктивного, природного в человеке могут являться такие важные категории, как любовь, Память, смерть и сон.

Сон – это великая тайна, «универсальная стихия» [Там же, с. 121], которая существует в неразрывном единстве с самим сновидцем-субъектом и в которой являющаяся сущность постигается путем отрешения от собственного «Я» и погружением в мир общий, благодаря стиранию границ между «вещественным» и «невещественным». Этим обусловлен новый тип психологизма бунинского мира, в котором общее преобладает над личностным, «фрагменты внеличного сознания» [Там же, с. 122] доминируют над индивидуальным. И выходом во всеобщее, вселенское

---

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

является сновидение, онейризм: приобщаясь к вечным законам бытия, человек мыслится уже не как отдельный субъект, а как слитое, существующее вместе с миром неразрывно. Сновидение в художественном тексте можно *интерпретировать*, «заполнить смыслами» [Лотман, с. 126], ориентируясь на ключевые образы-символы, в которых зачастую проявляется «коллективное бессознательное» и набор устоявшихся архетипов, а также проследить как через сновидение показана психология «изнутри». Все перечисленное включается в *поэтику сновидений* или *онейропоэтику* – «это область поэтики, которая сосредоточена на филологическом анализе литературных снов как вербального художественного текста» [Савельева, с. 3], которая предполагает системное рассмотрение образного ряда повествовательной и словесной организации.

Главным произведением И. А. Бунина является роман «Жизнь Арсеньева», в котором сновидения являются спутниками Алексея на протяжении всей книги. Сны часто тревожат Арсеньева, беспокоят его, тогда как у других персонажей книги сны «чистые, прекрасные, крепкие» (как у Лики, например). Это связано с природой самого героя, в котором острота чувства доведена до предела: «...Я поэт, художник, а всякое искусство, по словам Гете, чувственно» [Бунин, с. 236]¹. Не удивительно, что в первой тяжелой болезни Алеши пять человеческих чувств чрезвычайно обострены, как будто растворяются в мире и являют его во всей трагической полноте. Во сне запечатлевается «телесная грубость мира» [с. 38], которая мучит героя. Сон – показатель реальности происходящего: болезненное несуществование прерывается сновидением – элементом реального мира. Арсеньев, еще пребывая во власти болезни, видит фантазмагорические образы матери, комнаты – субъекты и объекты реального смешиваются с ирреальностью, образуя пугающее единство. Сон и болезнь оказываются связаны друг с другом, ведь они являются проводниками для «странствий в некие потусторонние пределы» [Там же]. Мир после болезни кажется чище, чувства обостряются, выздоровление мыслится как спасение, как Рай (тогда как мучившие сновидения и болезнь кажутся «снисхождением в ад» [Там же]).

1 Здесь и далее текст Бунина цитируются по данному изданию с указанием страницы в квадратных скобках.

Жизнь, протекающая, как сон – частый мотив в повествовании Бунина. Герой оказывается в позиции неспособного понять реальность происходящего с ним, стирает границу между жизнью и сновидением, либо желает скорее проснуться от «непонятого сна» [с. 48]. Алексея Арсеньева пугают приближающиеся изменения в его детской жизни, наступление взрослости. Эти чувства, знакомые всем людям на земле, обретают конкретную характеристику – «все сон!» [Там же], причем прошлая детская жизнь, неопределенное будущее, день, город, мысли, чувства, лес, поля существуют в сознании героя в абсолютно слитом, общем непрерывном меняющемся движении. Выстрел – сигнал, который выводит Алексея из одного состояния (путь внутрь себя) в другое (совершение действия, направленного на реальность).

Смерть, так остро прочувствованная героем еще в детстве, является постоянной частью жизни Алексея: «И во всем была смерть, смерть, смешанная с вечной, милой и бесцельной жизнью!» [с. 91]. Лежащий в гробу покойник-живое лицо Анхен, панихиды-игры детей – это полярное, бинарное переживание (на границе жизни и смерти) оставляет в сознании героя неизгладимый след и становится следствием сновидения, в котором Алексей видит, как покойник руководит «перестановкой» в доме и является одновременно мертвым и живым участником событий. Сознание героя не может принять сам факт смерти Писарева, то, что есть еще и «гробовой сон» [с. 92] – вечное сновидение как неизбежный конец земного существования. После испытанного в жизни и усиленного во сне Алексей чувствует себя пьяным, «во хмелю» и, засыпая на короткое время, «увидел себя в зале» [Там же], скорее всего, на месте покойника. Этот сон является началом нового жизненного пути, в котором жизнь и смерть как две главенствующих силы в мире будут неразрывно связаны друг с другом. Это уже не просто аморфное, сомнамбулическое состояние жизни «как во сне», которым завершается первая книга «Жизни Арсеньева», а осознание и познание онтологических категорий на уровне чувственном. Этими одновременно старыми и новыми открытиями завершается вторая книга. Конец и начало – сильные позиции текста, а значит элементы, включенные в эти позиции, должны играть значительную роль. Такую роль берут на себя в текстовом единстве *сновидения*, показывающие эволюцию и движение героя на уровне души / духа.

Однако ощущение *жизнь-сон* не покидает героя. Этому ощущению/переживанию всегда предшествует значимое событие, должное изменить жизнь героя и направить в непознанное будущее. В четвертой книге Алексей Арсеньев решает уехать из дома. Именно этот, уже реальный, а не мыслимый разрыв с родными вызывает чувство мнимости происходящего: «а потом был точно сон» [с. 138].

В 22 главе, завершающей четвертую книгу, Алексею снится сон про девушку, которая подходит к мертвому. Мыслительные и зрительные процессы одновременно включаются в процессе воссоздания уже свершавшегося когда-то с героем наяву. Это заново переживаемое состояние в сновидении усиливается ощущением того, что смерть всегда связана с трагедией от потери и трауром: «женственно-любовно» девушка прощалась с уже мертвым, «старческим» навсегда. Опять же элемент внезапности из внешнего мира прерывает сон, но и в пейзаже траур и переживание смерти не оставляет героя. В этом сне смерть, сон и жизнь оказываются частью стремительно изменяющейся Вселенной: «Все несется куда-то вперед, вперед...» [с. 165]

Арсеньев – герой, познающий жизнь чувственно: «Жизнь и должна быть восхищением...» [с. 224]. Главенствующее место в его мире занимает сон как воссоздание картин, когда-то увиденных и пережитых чувственным опытом. По роду деятельности Алексей – поэт, человек искусства, а значит герой вечно ищущий. Поиски вдохновения и темы для своих сочинений для него – «обычное утреннее занятие» [с. 203], а ожидание прихода «своей темы» превращается в муки творчества от осознания недостатка впечатлений: «...я томился убожеством жизни...» [с. 204]. В 24 главе в проживаемый день включается уже когда-то увиденный и запечатленный Памятью ретроспективный сон. Алексей видит себя и отца в цирке, на арене которого выступают шесть черных пони с красными поводьями и султанами. Интересна контрастная цветовая обрисовка образов: красный – цвет жизни, черный – цвет силы. Такая трактовка символики цвета обусловлена крепким, беспокойным и энергичным в облике самих пони: «толстые короткие шеи...», «...зло, упрямо склонив толстые головы...», «...бокастые...коротконогие...» [с. 207]. Лошади, как и Арсеньев, пышут жизнью и здоровьем. Круглая арена цирка говорит о движении по кругу,

отсылает к внутреннему состоянию героя, замкнутого на самом себе, сосредоточенного на творческих поисках, не приводящих к желаемым результатам. Сон глубоко психологичен, но обозначен героем как бы случайно, как что-то обыкновенное и незначительное. Но после этого сна весь прожитый день кажется герою его «продолжением» [с. 210].

Главное место в череде сновидений в книге занимает последний сон Алексея, потерявшего Лику. Глава делится на три коротких отрывка: в первом герой узнает о смерти Лики, во втором – описываются воспоминания о подаренной тетради, а в третьем – Арсеньев описывает единственное сновидение, в котором ему видится образ умершей в трауре. Этот сон по описательной структуре похож на сновидение Алексея после похорон князя: тот же траурный колорит, та же красота и молодость, но отличается по глубине воплощенных смыслов. Образ Лики «восстает из гроба беспомысленности, наделяется душой и выходит из границ времени, отмечающих ее начало и конец» [Аверин, URL]. Этой силой, способной воскрешать мертвых, давать утраченный образ во всей ее полноте, является сон.

В художественном мире И. А. Бунина сон, наряду с Памятью, является воссоздающей силой, способной запечатлеть в человеке «бесконечность времени и пространства» [Там же].

Список литературы

Аверин Б. В. Жизнь Бунина и Жизнь Арсеньева: Поэтика воспоминания [Электронный ресурс]. – URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/65_Averin.pdf (дата обращения: 1.02.2019).

Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. К. Бабореко – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 5. – 640 с.

Брянчанинов И. Слово о чувственном и духовном видении духов [Электронный ресурс]. – URL: <http://babayki.orthodoxy.ru/tom3.html> (дата обращения: 16.10.2017).

Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб: «Искусство–СПБ», 2010. – 704 с.

Мальцев Ю. В. Иван Бунин: 1870-1953. – М: Посев, 1994. – 432 с.

Нечаенко Д. А. Сон, заветных исполненных знаков. – М.: Юрид. лит., 1991. – 304 с.

Николай Сербский. Символы и сигналы [Электронный ресурс]. – URL: <http://predanie.ru/nikolay-serbskiy-velimirovich-svyatitel/book/71722-simvoly-i-signaly/> (дата обращения: 15.01.2019).

Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен: учеб.-метод. пособие / науч. ред. О. В. Зырянов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 232 с.

Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропозитика русских писателей. – Алматы: Жазушы, 2013. – 520 с.